

Елена Басова

РЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ БЛАГ: КОМПАРАТИВНАЯ ОЦЕНКА

В условиях текущих социальных вызовов актуализируется важность поиска новых ракурсов рассмотрения феномена неравенства, снижение которого является приоритетной задачей государственной социальной политики. Появление новых и усугубление знакомых форм неравенства осложняется территориальными (региональными) особенностями и требует комплексного подхода к их измерению и оценке. Более того, исследование регионального неравенства в условиях современной России невозможно только на основе доходной составляющей без изучения возможностей и особенностей доступа населения к тем или иным социальным благам. Глубокие межрегиональные разрывы в жилищных обеспеченности, низкая доступность медицинских разрывы, образовательных услуг и ограниченный доступ к иным социальным благам определяют значимость оценки регионального неравенства в рамках немонетарной составляющей. В исследовании отражены результаты анализа текущей ситуации и ретроспективной оценки доступности социально значимых благ, разработана научно обоснованная методика расчета индекса пространственной доступности, представлены результаты эконометрической оценки факторов доступности благ, определены проседающие социально значимые направления, требующие активного государственного вмешательства, предложены меры по расширению доступности благ в рамках реализации социальной политики. Показано снижение доступности благ для населения РФ за 2011–2018 гг. Обосновано, что в среднероссийском масштабе наиболее значительному падению подверглась доступность занятости. В исследовании определены три уровня пространственной доступности благ (высокий, средний, низкий) с полярным распределением регионов по крайним группам, но минимальным их

Елена Александровна Басова – к. э. н., ст. н. с., Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия. Электронная почта: elbas@yandex.ru

сосредоточением в среднем кластере по состоянию на 2018 г. Позитивным моментом следует считать отсутствие субъектов РФ, имеющих критическое значение интегрального индекса пространственной доступности на конец анализируемого периода. Применение эконометрических методов анализа позволило определить объем затрат на технологические инновации в качестве основного фактора с наиболее значимой положительной корреляцией для целей повышения пространственной доступности благ. Сделан вывод о том, что немонетарное неравенство создает дополнительные риски и угрозы для развития человеческого капитала, повышает социальное напряжение в обществе.

Ключевые слова: неравенство, пространственная доступность, блага, межрегиональная оценка

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-83-98

Повышение качества жизни населения является одной из приоритетных задач функционирования государственной социальной политики, решение которой сдерживается не только избыточным неравенством в доходах, но и значительными дистанциями между доступностью различных групп населения к социальным благам. Исследование благосостояния населения невозможно лишь с точки зрения монетарной составляющей, но должно быть дополнено оценкой возможности и особенностей доступа к получению благ (Мареева 2018; Atkinson 2015; Стиглиц 2015; Овчарова и др. 2014). Применительно к российским условиям проблематика неравенства осложняется территориальной неравномерностью в распределении благ. Современная Россия характеризуется глубокими разрывами в жилищной обеспеченности, социально-профессиональными ограничениями среди населения и низкой доступностью услуг здравоохранения, образования и других социально значимых благ (Аганбегян 2020; Тощенко 2020). Разрозненность и многоликость направлений жизнедеятельности граждан обуславливают необходимость разработки единой системы корректной количественной оценки доступности благ в целях обоснования проседающих социальных направлений, требующих первоочередного внимания. Компаративная оценка межрегиональных различий на основе научно обоснованной методики индексной оценки пространственной доступности социально значимых благ и явилась основной целью данной статьи. Информационной базой исследования послужили официальные данные Росстата за период 2010–2018 гг.

Ограниченная доступность благ как проявление немонетарного неравенства

Доступность социально значимых благ представляет собой часть характеристики благосостояния в составе многокритериальной оценки уровня поляризации общества и выступает одним из проявлений дифференциации

населения по немонетарному признаку. В последнее время проблематика немонетарной дифференциации выходит едва ли не на первый план в контексте изучения благосостояния населения. Подтверждением тому служит публикация экономических бестселлеров (Atkinson 2015; Стиглиц 2015), а также многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых по вопросам появления/усугубления различных видов неравенств. Точкой отсчета введения категории «немонетарное неравенство» в отечественный научный оборот следует считать исследование коллектива авторов ИСЭПН РАН (Овчарова и др. 2014).

К настоящему моменту накоплен большой пласт теоретических и эмпирических исследований в области доступности и качества образовательных и медицинских услуг (Аганбегян 2020; Константиновский 2020; Ярашева и др. 2020; Калачикова, Калашников 2014; Graves, Nikles 2015; Gulliford 2009; Clancy, Goastellec 2007). В последние годы активно изучается финансовая доступность (Effendi, Sunani 2020; Ravikumar 2020; Honohan 2008). Не иссякают на протяжении многих лет исследования в части неравенства в жилищной и имущественной обеспеченности (Косарева, Полиди 2019; Мареева 2018). Значительное число исследований опубликовано по проблематике доступности цифровых (информационных) услуг (Осипова 2019; Kulkarni 2018; Van Dijk 2012). Интересны разработки в области изучения экологического неравенства (Осипова 2019). В связи с пандемией COVID-19 особую актуальность приобретают работы по вопросам неравенства в доступе к работе и трудоустройству, к социальным отношениям и сетям (Mato-Díaz, Miyar-Busto 2021; Тихонова 2018; Стиглиц 2015).

Исследование концептуальных основ категории «немонетарное неравенство» позволило выделить несколько укрупненных методологических подходов к ее исследованию: депривационный, дискриминационный и ресурсный. Депривационный подход (Townsend 1979) позволяет исследовать характеристики немонетарной дифференциации с точки зрения существующих ограничений (деприваций) в возможностях получения материальных благ. Дискриминационный подход базируется на концепции доступа и социальной эксклюзии (Silver 1994) и акцентирует внимание на ограниченной доступности для населения институтов социальной интеграции и благ. В основе ресурсного подхода заложены ключевые постулаты концепции благ (Sen 1985), а немонетарные аспекты неравенства рассматриваются с точки зрения обеспеченности, т.е. проводится оценка существующей (наличествующей) совокупности всех благ, которыми индивид (группа) владеет.

Немонетарное неравенство следует считать феноменом социального порядка. По данным опроса (Мареева 2018), среди немонетарных неравенств наиболее остро населением воспринимаются неравенства, связанные с базовыми аспектами качества жизни – доступ к медицинским услугам (70% россиян отметили данный вид неравенства как самый болезненный для общества и 51% – для себя лично), жилищное неравенство (64 и 36% соот-

ветственно), образование (43 и 28%). Предваряя результаты проделанной работы в рамках данного исследования, охарактеризуем доступность благ по основным направлениям жизнедеятельности населения (Рыкун и др. 2020, Мареева 2018), а также некоторые тенденции, сложившиеся в этих сферах за период с 2010 по 2018 гг. В качестве исходной отметки выбран 2010 г. как период начала посткризисного восстановления основных характеристик качества жизни населения.

Современное состояние и динамика развития доходных контрастов и немонетарной дифференциации в российских регионах

Посткризисное восстановление (2010 г.) некоторых показателей качества жизни сменилось в 2014–2015 гг. ростом инфляции и ухудшением основных характеристик материального благосостояния населения, в т. ч. отмечено отсутствие значительной тенденции роста (в 1,03 раза в сопоставимых ценах) среднедушевых денежных доходов за 2010–2018 гг. При этом сохранялся чрезмерный уровень неравенства по уровню доходов среди населения в исследуемый период. Начиная с 2003 г., коэффициент фондов (отношение доходов 10% наиболее богатых к доходам 10% наиболее бедных) держался на уровне 15 раз, в то время как по современным оценкам, соотношение не должно превышать безопасного социального уровня 6–8 раз. Индекс Джини, характеризующий степень неравномерности распределения населения по доходам, не опускался ниже 0,400 с 2003 г., что по мнению экспертов Всемирного банка, является показателем наличия избыточного неравенства в стране (Лапин и др. 2020). Следует отметить тот факт, что монетарное неравенство населения особенно характерно для регионов с максимальной величиной среднедушевых денежных доходов. Наибольшие значения коэффициента фондов в 2018 г. отмечены в Тюменской и Сахалинской областях, г. Москве, где денежные доходы населения значительно превышают среднероссийский уровень (от 1,6 до 2,1 раза).

Детальная оценка регионального неравенства в контексте доступности благ по десяти отобраным направлениям жизнедеятельности граждан за 2010–2018 гг. выявила ряд ключевых характеристик и проблем.

Доступность трудоустройства и рабочих мест. Период с 2011 г. характеризовался достаточно стабильным ростом уровня занятости населения в РФ, сменившийся падением показателя после 2016 г. с 65,7% до 59,8% к концу 2018 г. В числе наиболее проблемных регионов по занятости населения отмечены республика Адыгея (49,5%) и Карачаево-Черкесская республика (50,5%). Максимальный уровень занятости зафиксирован в Чукотском автономном округе (75,4%).

Неравный доступ к медицинским услугам обусловлен региональными различиями в обеспеченности медицинскими организациями, количестве

койко-мест в стационарах, укомплектованности кадровыми и иными ресурсами (Басова 2020). Период с 2010 по 2018 гг. характеризуется сокращением численности врачей, ростом заболеваемости и, как следствие, повышением нагрузки на врачебный персонал. Сокращение бюджетного финансирования здравоохранения и инвестиций в основной капитал привели к росту объема платных медицинских услуг, что не способствовало расширению доступности медицинских услуг.

Доступность имущественной активности. Регионы, характеризующиеся как низкодоходные, атрибутируются сниженным объемом совокупного потребительского спроса, обуславливающим высокий уровень межрегионального неравенства населения по вопросам потребления и наличию товаров длительного пользования (ТДП). В среднем на тысячу российских жителей в 2018 г. приходилось 472 единицы ТДП. Минимальный уровень обеспеченности ТДП зафиксирован в республике Ингушетия (303 ед.), максимальный – в Мурманской области (505 ед.).

Ограниченная доступность образовательных услуг проявляется на всех уровнях образования. Сохраняется проблема низкой обеспеченности детей местами в дошкольных учреждениях. Вопрос второй и третьей смен в школьном обучении (по состоянию на 2018 г.) актуален для всех регионов кроме Москвы и Санкт-Петербурга. Доступ к образовательным услугам осложняется существенной концентрацией учебных заведений среднего профессионального и высшего образования в крупных городах и технологически развитых субъектах. Москва, Санкт-Петербург и Московская область на протяжении всего анализируемого периода входили в тройку лидеров в РФ по обеспеченности высшими учебными заведениями и научными организациями.

Доступность жилья. Несмотря на рост введенных жилых помещений в 1,5 раза за исследуемый период, вероятность приобретения жилья остается для многих граждан на недопустимо низком уровне (Басова 2021). На учете в качестве нуждающихся находились в 2018 г. примерно 2,4 млн россиян. Максимальное количество лет для покупки жилья в новостройках при условии вложения всего объема среднедушевых доходов в покупку квартиры необходимо жителям Москвы (3,8) и Санкт-Петербурга (3,6).

Доступность культурно-досуговой активности. Сосредоточение значительной части объектов для спорта и отдыха в финансово и промышленно развитых регионах создает предпосылки для возникновения высокого уровня регионального неравенства в досуговом поведении населения. Максимальная нагрузка на одно спортивное сооружение отмечена в Севастополе, где численность населения, приходящаяся на один объект, превышала 3853 человека, что выше среднероссийского уровня почти в два раза.

Доступность цифровых (информационных) услуг. Отдаленность российских территорий от центра усугубляет проблему цифрового разрыва, в т.ч. в части доступности цифровых услуг. За период 2010–2018 гг. в России

число активных абонентов фиксированного широкополосного доступа к сети на сто человек населения выросло с 12,2 до 21,7 единиц (или в 1,8 раза). Лидером рейтинга по числу абонентов в 2018 г. стали Новосибирская область и Москва (36,4 и 36,0 единиц соответственно). Крайне низкие значения обеспеченности фиксированным доступом в сеть зафиксированы в республике Ингушетия (1,2 единицы на 100 человек).

Доступность финансовых услуг. Анализируемый период характеризовался существенным снижением (почти в три раза) количества кредитных организаций и их филиалов в регионах, что во многом объясняется политикой ЦБ в отношении финансового рынка, а также сокращением филиальной сети банков в связи с оптимизацией расходов. Резкий рост банкоматной сети, зафиксированный в 2011–2013 гг., сменился постепенным сокращением их числа. В число лидеров по обеспеченности банкоматами входят в 2018 г. Красноярский край, Москва и Калининградская область. Республики Северного Кавказа по данному индикатору находятся внизу рейтинга.

Доступность транспортных услуг. Показатель обеспеченности автобусами общего пользования резко дифференцирован по регионам. Если среднероссийский уровень числа автобусов в 2018 г. достиг уровня 114 единиц на 100 тыс. человек населения, то в республике Ингушетия на данное количество жителей в наличии только 41 единица автобусного парка. Лидером по числу автобусов определена республика Адыгея с 345 единицами автотранспорта.

Доступность благоприятной экосферы. За анализируемый период удельный вес населения в стране, обеспеченного питьевой водой, отвечающей требованиям безопасности, постепенно увеличилось (с 88% в 2010 г. до 91% в 2018). В числе бесспорных лидеров-регионов, обеспечивших все проживающее на их территории население чистой водой по утвержденным санитарным нормам, расположились города федерального значения и республика Северная Осетия-Алания. Вологодская область в 2018 г. имела наихудший показатель среди всех субъектов: лишь каждый второй житель обеспечен водой, отвечающей требованиям санитарно-гигиенической безопасности.

Результаты оценки пространственной доступности социально значимых благ

Проблема доступности (как и неравенства) не нова для современной России. Однако раньше доступность воспринималась как невозможность получения благ маломобильными группами, а также низкодоходными слоями населения, сейчас проблема доступности приобрела массовый характер и затрагивает почти все население страны. В связи с тем, что вопросы немонетарного неравенства, проблемы доступности – есть характеристика благосостояния населения, то некоторые из направлений

доступности социально значимых благ рассмотрены в трудах, посвященных разработке методик оценки уровня и качества жизни (Рыкун и др. 2020; Айвазян 2012).

Принципиальным отличием разработанной методики является объединение основных направлений (каналов) получения социально значимых благ населением, в т.ч. включение в индексную оценку индикаторов финансовой, цифровой доступности, доступности благоприятной экосферы и других, которые не были рассмотрены ранее в единой совокупности (методике). В целом исследование доступности социально значимых благ и ресурсов в данной работе охватывает: доступность жилья, занятости, образования, медицинских услуг, благоприятной экосферы, а также финансовую, транспортную, цифровую, потребительскую и культурно-досуговую доступности. Выбор исходных данных для формирования интегрального индекса является одним из дискуссионных вопросов (Айвазян 2012). Решение о наборе индикаторов в данном исследовании базируется на соблюдении ряда принципов: релевантности показателей; информационной доступности и достоверности (должны входить в номенклатуру официальной статистической информации или могут быть вычислены на ее основе); отсутствие сильных корреляционных связей между индикаторами.

Объединение частных критериев в общий интегральный показатель проведено с помощью метода линейного масштабирования, основанного на определении референтных точек. В целях максимально возможного снижения субъективности в расчетах в качестве референтных точек использованы максимальные и минимальные значения индикаторов. Отсутствие дополнительных весовых коэффициентов в предлагаемой методике преднамеренно и преследует цель наделения каждого отдельного критерия равной значимостью. Данный способ агрегирования переменных широко применяется (Айвазян 2012; Зубаревич 2020), а предлагаемые частные показатели соответствуют требованиям, предъявляемым к подобного рода расчетам, что подчеркивает научную актуальность и практическую значимость представленной методики. Вычисление интегрального индекса произведено на основе среднеарифметического значения частных индикаторов. Расчет производился по формуле (1), если показатель связан с интегральным индексом доступности возрастающей зависимостью, и по формуле (2), если эта зависимость отрицательная.

$$I_d = (X_i - X_{min}) / (X_{max} - X_{min}) \quad (1),$$

$$I_d = 1 - (X_i - X_{min}) / (X_{max} - X_{min}) \quad (2),$$

где I_d – значение частного индекса доступности социально значимых благ и ресурсов,

X_i – расчетный показатель,

X_{min} и X_{max} – референтные точки.

Таблица

**Индикаторы оценки пространственной доступности
социально значимых благ**

<i>Направление доступности</i>	<i>Показатель</i>	<i>Референтные точки</i>	
		<i>min</i>	<i>max</i>
Доступность занятости	Уровень занятости, (%)	35,2	81,2
Доступность медицинских услуг	Численность населения на одного врача (человек)	114,7	380,4
Доступность потребительской (имущественной) активности	Обеспеченность товарами длительного пользования (штук на тыс. человек)	263,0	572,0
Доступность образовательных услуг	Прием на обучение по программам подготовки специалистов среднего звена и программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (на десять тыс. человек)	31,7	231,2
Доступность жилья	Прирост удельного веса числа семей, получивших жилые помещения (%)	0,1	16,0
Доступность культурно-досуговой активности	Численность населения на один спортивный объект	849,5	4679,3
Доступность информационных (цифровых) услуг	Число мобильных телефонов, приходящихся на десять тыс. человек	0,1	36,4
Финансовая доступность	Количество банкоматов (на десять тыс. человек)	1,1	29,5
Транспортная доступность	Число эксплуатационных автобусов общего пользования (на сто тыс. человек)	24,1	354,2
Доступность благоприятной экосферы	Доля проб воды с превышением нормативов по санитарно-химическим показателям (%)	0	100

Источник: расчеты автора.

В целях исключения мультиколлинеарности проведено значительное число итераций, которое позволило определить ряд индикаторов с минимальной корреляционной связью. Для оценки пространственной доступности социально значимых благ и ресурсов отобрано по одному показателю для каждого из десяти направлений, референтные значения которых представлены в таблице. Апробация полученных результатов на данных российских регионов за период 2011–2018 гг. позволяет сделать вывод о том, что основными дестабилизирующими факторами в представленной совокупности частных индикаторов являются доступность жилья (с общим индексом 0,030)

и транспортная доступность (0,272). Индикатор доступности благоприятной экосферы составил максимальное значение из всего перечня направлений (0,831). Доступность занятости в среднероссийском масштабе подверглась самому значительному снижению к концу анализируемого периода.

Первое место в рассчитанном рейтинге доступности социально значимых благ и ресурсов занимает Санкт-Петербург, передававший «эстафету» лидерства федеральному центру в некоторые годы исследуемого периода. За анализируемый период город федерального значения значительно улучшил показатели доступности образования, жилья, финансовых услуг и доступности культурно-досуговой активности. Значительному снижению в Санкт-Петербурге с 2011 по 2018 гг. подверглись частные индикаторы доступности занятости (на 0,104), транспортной доступности (0,095), а также доступность потребительской активности (0,068). Замыкает рейтинг регионов по индексу доступности благ в 2018 г. Ленинградская область. По сравнению с началом анализируемого периода данный субъект снизил свои позиции с 78 места до последнего (82 места) даже с учетом некоторого повышения общего индекса доступности. Несмотря на то что в области удалось достичь роста по значительному числу частных индикаторов, существенному снижению подверглись доступность занятости, образования и транспортная доступность.

Типология регионов и их распределение на четыре уровня пространственной доступности, условно названных как высокий (с уровнем доступности выше среднероссийского), средний (с уровнем доступности выше медианы, но ниже среднероссийского), низкий (уровень выше 75% от среднероссийского, но не более медианы) и критический (со значением ниже 75% от среднероссийского уровня), позволяет заключить о незначительном изменении состава входящих в них субъектов за 2011–2018 гг. Позитивным моментом следует считать отсутствие в 2018 г. регионов с критическим уровнем пространственной доступности благ. На начало исследуемого периода таковых насчитывалось несколько (Ингушетия, Дагестан, Чеченская республика и Ленинградская область), впоследствии переместившихся на один уровень выше по значению интегрального индекса.

Следует отметить, что высокий уровень промышленного и финансового регионального развития не обеспечивает абсолютное попадание субъекта в первую группу с максимальным индексом пространственной доступности благ. Две трети субъектов обозначенной группы характеризуются значительно низким объемом ВРП на душу населения по сравнению со среднероссийской величиной и только у оставшейся трети регионов показатель превосходит среднее значение по РФ в два-четыре раза. Подтверждением выявленной тенденции выступают данные по республике Северная Осетия-Алания, которая находится на втором месте в рассчитанном рейтинге субъектов, но имеет трехкратное отставание душевого объема ВРП от среднерегionalного значения. Указанное обстоятельство наряду с результатами эконометрической оценки факторов пространственной доступности благ

косвенно указывает на то, что доступность социально значимых направлений для населения определяется не только экономическим развитием региона и социально-демографической обстановкой, но также, что немаловажно, вектором региональной политики в части финансирования и поддержки определенных социально значимых направлений.

Построение множественной регрессионной модели, где в качестве результирующей переменной Y выступил индекс пространственной доступности, позволило выявить, что существует выраженная прямая зависимость между индексом доступности и показателями объема затрат на технологические инновации ($r=0,619$). Менее выраженная обратная зависимость наблюдается между индексом доступности и индексом физического объема инвестиций в основной капитал ($-0,535$) и коэффициентом демографической нагрузки ($-0,405$). Экономико-математическая модель доступности социально значимых благ по пространственному признаку представлена следующим образом:

$$y = 0,510 - 0,0008X_3 + 0,0019X_{26} - 0,0001X_{28},$$

где X_3 – индекс физического объема инвестиций в основной капитал; X_{26} – затраты на технологические инновации, в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; X_{28} – коэффициент демографической нагрузки.

Независимые переменные выбраны среди перечня официально публикуемых показателей Росстата (31 ед.), характеризующих социально-экономическое развитие регионов. Для построения экономико-математической модели использованы данные субъектов РФ за период с 2011 по 2017 гг. Хорошее качество модели подтверждается наличием статистически значимых связей по критерию Фишера (F -*statistic* меньше 0,5). Скорректированный коэффициент детерминации ($R^2_{adj} = 0,86$; $R^2 = 0,93$) имеет наибольшее значение по сравнению с другими моделями пошаговой регрессии.

Заключение

Результаты расчета индекса пространственной доступности за несколько лет свидетельствуют о значительной дифференциации регионов по доступности социально значимых благ. Следует отметить наличие ряда специфических проблем для отдельно взятого субъекта в рамках изучаемых направлений, которые отражаются на величине частных индикаторов и, как следствие, общем уровне интегрального индекса. По состоянию на 2018 г. оформилось два полюса субъектов РФ (33 лидера и 44 аутсайдера) с незначительной группой срединных регионов (8 ед.). При этом абсолютный лидер (Санкт-Петербург) имеет значение индекса пространственной доступности, сильно отклоняющееся от других регионов-лидеров, не говоря уже об остальной России.

Очевидно, что глубокие проявления немонетарного неравенства в межрегиональном контексте несут в себе дополнительные риски и угрозы для развития человеческого капитала, повышают социальное напряжение в обществе, являясь фактором его дестабилизации. В современных условиях особенно востребованными становятся меры социальной политики в сфере занятости как наиболее проблемной зоны, характеризующейся максимальным снижением доступности для населения российских регионов за исследуемый период. Более того, развитие рынков труда и повышение доступности рабочих мест может являться драйвером роста доступности благ в других сферах жизнедеятельности граждан, т.к. возможное решение проблемы ограниченной доступности благ тесно связано с повышением уровня заработной платы и доходов и представляет собой единую ось в реализации социальной политики в целях роста благосостояния российских граждан.

Результаты представленного исследования вносят вклад в развитие прикладных аспектов изучения немонетарной дифференциации в обществе и возможны для использования в практической работе органов власти при совершенствовании основ государственной политики по основным социально значимым направлениям. Дальнейшие разработки могут быть связаны с изучением мотивационных аспектов и адаптивных практик населения в условиях ограниченной доступности благ.

Выражение признательности

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Список источников

- Аганбегян А. Г. (2020) *О приоритетах социальной политики*. М: Дело.
- Айвазян С. А. (2012) *Анализ качества и образа жизни населения*. М.: Наука.
- Басова Е. А. (2020) Доступность здравоохранения как фактор устойчивого социально-экономического развития территорий. *Проблемы развития территории*, 1 (25): 68–87.
- Басова Е. А. (2021) Доступная ипотека vs доступность жилья. Хотели как лучше, а получилась...? *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 4 (14): 113–130.
- Зубаревич Н. В. (2020) *Социальное развитие регионов России: Проблемы и тенденции переходного периода*. М.: ЛЕНАНД.
- Калачикова О. Н., Калашников К. Н. (2014) Доступность и качество медицинской помощи в контексте модернизации здравоохранения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 2 (32): 130–142.
- Константиновский Д. Л. (2020) Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика. *Социологическая наука и социальная практика*, 3 (31): 125–133.
- Косарева Н. Б., Полиди Т. Д. (2019) Доступность жилья в России и за рубежом. *Вопросы экономики*, (7): 29–51.

- Лалин Н.И., Ильин В. А., Морев М. В. (2020) Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1). *Социологические исследования*, (1): 4–17.
- Мареева С. В. (2018) Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения. *Вестник Института социологии*, 9 (33): 102–118.
- Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. (2014) Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад. М.: Фонд «Либеральная Миссия»
- Осипова Н. Г. (2019) Социальное неравенство в современном мире. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, 25 (4): 124–153.
- Рыкун А., Черникова Д., Сухушина Е., Березкин А. (2020) Измерение качества жизни в городах: возможности индексного подхода. *Журнал исследований социальной политики*, 18 (2): 283–298.
- Стиглиц Дж. (2015) Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо.
- Тихонова Н. Е. (2018) Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества. *Социологические исследования*, (6): 53–65.
- Тощенко Ж. Т. (2020) *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. М.: Весь мир.
- Ярашева А. В., Александрова О. А., Медведева Е. И., Аликперова Н. В., Крошилилин С. В. (2020) Проблемы и перспективы кадрового обеспечения московского здравоохранения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 1 (13): 174–190.
- Atkinson A. B. (2015) *Inequality: What Can be Done?* London: Harvard University Press.
- Clancy P., Goastellec G. (2007) Exploring Access and Equity in Higher Education: Policy and Performance in a Comparative Perspective. *Higher Education*, (2): 136–154.
- Effendi M. B., Sunani A. (2020) Analysis of Access to Financial Services on Poverty Alleviation with MARS. *Journal of Economics Business and Accountancy Ventura*, 23 (1): 125–137.
- Graves B., Nikles K. (2015) Community-Based Participatory Research: Toward Eliminating Rural Health Disparities. *Online Journal of Rural Nursing and Health Care*, 15 (2): 63–87.
- Gulliford M. (2009) Modernizing Concepts of Access and Equity. *Health Economics, Policy and Law*, 4 (2): 223–230.
- Honohan P. (2008) Cross-Country Variation in Household Access to Financial Services. *Journal of Banking & Finance*, 32 (11): 2493–2500.
- Kulkarni M. (2018) Digital Accessibility: Challenges and Opportunities. *IIMB Management Review*, 31 (1): 91–98.
- Mato-Díaz F.J., Miyar-Busto M. (2021) Exit from Open-ended Social Benefits into Employment: Access to Work, Active Labour Market Policies and Work Intensity. *Social Policy and Administration*, 55 (3): 1–17.
- Ravikumar T. (2020) Financial Access Indicators of Financial Inclusion: A Comparative Analysis of Saarc Countries. *International Journal of Intelligent Enterprise*, 7 (1/2/3): 28–36.
- Sen A. (1985) *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: North-Holland.
- Silver H. (1994) Social Exclusion and Social Solidarity: Three Paradigms. *International Labour Review*, (133): 531–578.
- Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom*. Harmondsworth: Penguin.
- Van Dijk J. (2012) The Evolution of the Digital Divide. The Digital Divide Turns to Inequality of Skills and Usage. In: *Digital Enlightenment Yearbook*. Fairfax, VA: IOS Press: 57–75.

Elena Basova

REGIONAL INEQUALITY IN THE CONTEXT OF THE AVAILABILITY OF SOCIALLY SIGNIFICANT BENEFITS: COMPARATIVE ASSESSMENT

In the conditions of transforming social challenges, the article actualizes the importance of finding new perspectives for considering inequality, the reduction of which is a priority task of the state social policy. The emergence of new and aggravation of old inequality forms is complicated by territorial (regional) features and requires a comprehensive approach to their measurement. Moreover, the assessment of regional inequality in the conditions of contemporary Russia is impossible only on the basis of the monetary component without studying the possibilities of access of population to certain social benefits. Deep interregional gaps in housing security, low availability of medical and educational services and limited access to other benefits determine the importance of assessing regional inequality within the non-monetary component. The study reflects the results of the current situation analysis and a retrospective assessment of the benefits availability; develops a scientifically based method for calculating the spatial availability index. We draw the conclusion that there is a significant non-monetary differentiation in terms of the main socially significant areas of citizens' life. The article proves that on an average Russian scale, the most significant deterioration was in employment. The study identifies three levels of benefits spatial availability (high, medium, and low) with a polar distribution of the regions in extreme groups, while their minimal concentration is in the middle cluster as of 2018. We should note that there are no constituent entities of the Russian Federation that have a critical value of the integral index of spatial accessibility at the end of the analysed period. We consider this point as positive. The amount of costs for technological innovations is the main factor of increasing the spatial availability. Non-monetary inequality creates additional risks and threats for the development of human capital, increases social tension in society.

Keywords: inequality, benefits, spatial availability, interregional assessment

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-83-98

References

Aganbegyan A. G. (2020) *O prioritetah socialnoi politiki* [On the Priorities of Social Policy]. Moscow: Business.

Ajvazjan S. A. (2012) *Analiz kachestva i obraza zhizni naselenija* [Analysis of the Quality and Lifestyle of the Population]. Moscow: Nauka.

Elena A. Basova – Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation. Email: elbas@yandex.ru

- Atkinson A. B. (2015) *Inequality: What Can be Done?* London: Harvard University Press.
- Basova E. A. (2020) Dostupnost zdravoohraneniya kak faktor ustoichivogo socialno-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Accessibility of Health Care as a Factor of Sustainable Socio-Economic Development of Territories]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory Development], 1 (25): 68–87.
- Basova E. A. (2021) Dostupnaya ipoteka vs dostupnost' jil'ya. Hoteli kak luchshe, a poluchilos'...? [Mortgage Availability vs. Availability of Housing. We Wanted the Best, but It Turned Out...?]. *Ekonomicheskie i socialnie peremeni: fakti, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 4 (14): 113–130.
- Clancy P., Goastellec G. (2007) Exploring Access and Equity in Higher Education: Policy and Performance in a Comparative Perspective. *Higher Education*, (2): 136–154.
- Effendi M. B., Sunani A. (2020) Analysis of Access to Financial Services on Poverty Alleviation with MARS. *Journal of Economics Business and Accountancy Ventura*, 23 (1): 125–137.
- Graves B., Nikles K. (2015) Community-Based Participatory Research: Toward Eliminating Rural Health Disparities. *Online Journal of Rural Nursing and Health Care*, 15 (2): 63–87.
- Gulliford M. (2009) Modernizing Concepts of Access and Equity. *Health Economics, Policy and Law*, 4 (2): 223–230.
- Honohan P. (2008) Cross-Country Variation in Household Access to Financial Services. *Journal of Banking & Finance*, 32 (11): 2493–2500.
- Kalachikova O. N., Kalashnikov K. N. (2014) Dostupnost' i kachestvo medicinskoj pomoshchi v kontekste modernizacii zdravoohraneniya. [Accessibility and Quality of Medical Service in the Context of Health Care Modernization]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeni: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2 (32): 130–142.
- Konstantinovskij D. L. (2020) Preodolenie bar'erov v obrazovanii: issledovaniya i social'naya praktika. [Overcoming Barriers in Education: Research and Social Practice]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice], 3 (31): 125–133.
- Kosareva N. B., Polidi T. D. (2019) Dostupnost' jil'ya v Rossii i za rubejom [Affordability of Housing in Russia and Abroad]. *Voprosy Ekonomiki* [Economics], (7): 29–51.
- Kulkarni M. (2018) Digital Accessibility: Challenges and Opportunities. *IIMB Management Review*, 31 (1): 91–98.
- Lapin N. I., Ilyin V. A., Morev M. V. (2020) Ekstremal'nie neravenstva i social'noe gosudarstvo (chast' 1). [Extreme Inequalities and the Welfare State (Part 1)]. *Sociologicheskoe issledovaniya* [Sociological Research], (1): 4–17.

- Mareeva S. V. (2018) *Social'nye neravenstva i social'naja struktura sovremennoj Rossii v vosprijatii naselenija* [Social Inequities and the Social Structure of Modern Russia as Perceived by the Population]. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 9 (33): 102–118.
- Mato-Díaz F.J., Miyar-Busto M. (2021) Exit from Open-ended Social Benefits into Employment: Access to Work, Active Labour Market Policies and Work Intensity. *Social Policy and Administration*, 55 (3): 1–17.
- Osipova N. G. (2019) Social'noe neravenstvo v sovremennom mire [Social Inequality in the Modern World]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 18, Sociologia i politologia* [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 25 (4): 124–153.
- Ovcharova L. N., Burdjak A. Ja., Pishnjak A. I., Popova D. O., Popova R. I., Rudberg A. M. (2014) *Dinamika monetarnyh i nemonetarnyh karakteristik urovnja zhizni rossijskih domohozjajstv za gody postsovetskogo razvitija: analiticheskij doklad* [Dynamics of Monetary and Non-monetary Characteristics of the Standard of Living of Russian Households Over the Years of Post-soviet Development: An Analytical Report]. Moscow: Fond 'Liberal'naja Missija'.
- Ravikumar T. (2020) *Financial Access Indicators of Financial Inclusion: A Comparative Analysis of Saarc Countries*. *International Journal of Intelligent Enterprise*, 7 (1/2/3): 28–36.
- Rykun A., Chernikova D., Sukhushina E., Berezkin A. (2020) Izmerenie kachestva jizni v gorodah: vozmojnosti indeksnogo podhoda [Measuring the Quality of Life in Cities: The Possibilities of the Index Approach]. *Zhurnal issledovanii sotcialnoi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 18 (2): 283–298.
- Sen A. (1985) *Commodities and Capabilities*. Amsterdam: North-Holland.
- Silver H. (1994) Social Exclusion and Social Solidarity: Three Paradigms. *International Labour Review*, (133): 531–578.
- Stiglitz J. (2015) *Cena neravenstva. Chem rassloenie obschestva grozit nashemu buduschemu* [The Price of Inequality. Than the Stratification of Society Threatens Our Future]. Moscow: Eksmo.
- Tihonova N. E. (2018) Stratifikacija po zhiznennym shansam massovyh sloev sovremen-nogo rossijskogo obshhestva [Stratification by Life Chances of Mass Strata of Modern Russian Society]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], (6): 53–65.
- Toshchenko Zh.T. (2020) *Obschestvo travmy: meju evoljuciei i revolyuciei (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)* [Society of Trauma: Between Evolution and Revolution (Experiences from Theoretical and Empirical Analysis)]. Moscow: The whole world.
- Townsend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom*. Harmondsworth: Penguin.

Van Dijk J. (2012) The Evolution of the Digital Divide. The Digital Divide Turns to Inequality of Skills and Usage. *Digital Enlightenment Yearbook*. Fairfax, VA: IOS Press: 57–75.

Yarasheva A. V., Aleksandrova O. A., Medvedeva E. I., Alikperova N. V., Kroshilin S. V. (2020) Problemy i perspektivy kadrovogo obespecheniya moskovskogo zdravoohraneniya. [Problems and Prospects of Personnel Support of the Moscow Healthcare System]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 1 (13): 174–190.

Zubarevich N. V. (2020) *Socialnoe razvitie regionov Rossii: Problemi i tendencii perekhodnogo perioda*. [Social Development of Russian Regions: Problems and Trends of the Transition Period]. Moscow: LENAND.